

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

УДК 94(571.1):630*93

DOI: 10.23951/1609-624X-2017-3-137-143

ОХРАНА ЛЕСОВ ОТ ПОЖАРОВ В АЛТАЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПОСЛЕ ОКОНЧАТЕЛЬНОГО УСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1919–1921 гг.)

М. О. Тяпкин

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул

Рассматривается процесс формирования новой системы противопожарных мероприятий, которая стала формироваться в Алтайской губернии после окончательного установления советской власти. Используется широкий круг архивных материалов, многие из них вводятся в научный оборот впервые. В результате проделанной работы сделаны следующие выводы. Борьба с лесными пожарами включала в себя комплекс мероприятий по профилактике, предупреждению, ликвидации огня в лесу, а также наказанию виновных в поджогах леса. Новая власть была заинтересована в сохранении лесов от пожаров, поэтому перед лесотехническими специалистами и местными властями была поставлена задача в короткие сроки создать работоспособную систему борьбы с лесными пожарами. Лес был национализирован, каждый гражданин получил право пользоваться лесными материалами, но при условии личного участия в охране лесов. Реализация некоторых противопожарных мероприятий была возложена на местное население. Однако эта практика себя не оправдала, поэтому было решено вернуться к стандартной схеме, при которой основную роль в охране лесов от пожаров играла профессиональная лесная стража.

Ключевые слова: охрана лесов, лесное хозяйство, Алтайская губерния, лесной пожар, профилактика лесных пожаров, умышленный поджог леса.

Охрана лесов от пожаров является неотъемлемой частью лесоохранного механизма и важнейшим элементом государственной лесной политики. Пожары ежегодно наносят колоссальный ущерб природе и лесному хозяйству, поэтому от степени эффективности организации и реализации противопожарных мероприятий напрямую зависит не только рентабельность лесной отрасли, но и экологическое благополучие населения. Проблема сохранения лесов от уничтожения огнем в первые годы советской власти была актуальна для всех регионов страны, где произрастали лесные массивы, имеющие хозяйственное значение. Существовавший в России лесоохранный механизм был разрушен в период революционных потрясений и Гражданской войны, требовалось формирование нового. Целью данной статьи является рассмотрение формирования основных элементов системы охраны лесов от пожаров на примере Алтайской губернии на основе новых принципов, провозглашенных после окончательного установления советской власти.

Алтайская губерния была сформирована летом 1917 г. по решению Временного правительства путем выделения из состава Томской губернии Барнаульского, Бийского, Каменского, Славгородского и Змеиногорского уездов. С хозяйственной точки

зрения Алтайская губерния стала «наследницей» Алтайского округа ведомства Кабинета его императорского величества, основным направлением деятельности которого в начале XX в. являлось развитие земельно-лесного хозяйства. После ликвидации самодержавия кабинет был лишен административных функций, а вся лесохозяйственная система Алтайской губернии на протяжении 1917–1919 гг. развивалась по направлению к унификации с казенной моделью лесного хозяйства.

Окончательное установление советской власти в Алтайской губернии произошло в декабре 1919 г., когда Барнаул был занят партизанскими отрядами и регулярными частями Красной армии. Одной из важнейших задач, стоявших перед новой властью, являлось формирование советской административной системы и восстановление народного хозяйства, в том числе лесной отрасли. В декабре 1919 г. уполномоченный по земельному отделу Алтайского губернского революционного комитета (далее – Алтгубревком) Н. И. Мелков издал «Временную инструкцию земельным отделам волостных ревкомов и лесничим», в которой указывалось, что все земли и леса Алтайской губернии объявляются общенародной собственностью и переходят под управление земельных отделов ревкомов, затем исполкомов [1, л. 24].

В основу лесной политики советского государства был положен принцип общенародной собственности на лесные ресурсы. Принятый 27 (14) мая 1918 г. декрет «О лесах» окончательно установил, что все леса, вне зависимости от их прежней владельческой принадлежности и правового статуса, в том числе бывшие крестьянские лесные наделы и лесные участки, располагавшиеся в пределах земельных наделов, включались в состав государственного лесного фонда. Объявив лес общенародным достоянием, правительство разрешило каждому гражданину входить в лес, заготавливать древесину, осуществлять побочные пользования, но лишь при условии участия «всеми доступными средствами» в охране лесов. Каждый гражданин мог быть привлечен к временному исполнению общественных обязанностей по охране лесов, в том числе ликвидации лесных пожаров.

Перед лесотехническими специалистами была поставлена задача формирования новой системы ведения хозяйства как с организационной, так и с практической точки зрения. Лес был объявлен стратегическим ресурсом, который должен был послужить делу построения социализма. Государству требовалась деловая древесина для восстановления разрушенного народного хозяйства, топливо для отопления городов и сел, кроме того, лесоматериалы составили важную статью экспорта, принося валюту.

Лесное хозяйство на юге Западной Сибири после нескольких лет революционных потрясений было практически полностью разрушено. В результате ревизии, начатой в январе 1920 г., выяснилось, что лесничества Алтайской губернии «в подавляющем большинстве разгромлены, некоторые из лесничих убиты, многие разорены вконец и бежали в города; леса подвергались массовому расхищению» [2, л. 87 об.]. Требовались срочные меры по восстановлению хозяйственного механизма и налаживанию новой системы охраны лесов от самовольных порубок и лесных пожаров. На охрану лесов от пожаров, ежегодно уничтожавших сотни тысяч десятин спелого леса, было обращено особое внимание. Центральный лесной отдел периодически делал запросы в губернские учреждения о ходе подготовки к новым пожароопасным сезонам в наступающем году. Подобные письма и телеграммы содержали призывы к исполкомам в виде «боевых заданий» принять под личную ответственность выполнение всеми учреждениями противопожарных мероприятий.

В развитие положений декрета «О лесах» 1918 г., обретшего юридическую силу на территориях, где была установлена советская власть, Алтгубревкомом были подготовлены и утверждены в один день – 24 марта 1920 г. – два подзаконных

акта: Правила о мерах предосторожности против пожаров в лесах Алтайской губернии и Правила о привлечении граждан к временному исполнению общественных обязанностей по тушению лесных пожаров в дачах Алтайской губернии.

Основными причинами лесных пожаров по-прежнему оставались неумышленные поджоги в результате неосторожного обращения с огнем, поэтому Правила о мерах предосторожности против пожаров в лесах Алтайской губернии устанавливали перечень мероприятий профилактического характера. В частности, запрещалось весеннее выжигание травы на прилегающих к лесу участках до проведения опалки, разведение в лесу костров в сухое время года, стрельба с использованием пыжей из пакли или льна, бросание незатушенных спичек или окурков [3, л. 23]. При проведении опалки силами местных жителей, под руководством лесной стражи предусматривалось присутствие представителя местной советской власти.

Весной 1920 г. Алтгубревком разослал временным районным лесным комиссиям циркулярное предписание о необходимости проведения ряда противопожарных мероприятий [3, л. 36–36 об.]. В условиях нехватки квалифицированных кадров и дефицита денежных средств заведующим лесокультурным отделением Алтайского губернского лесного подотдела Богоявленским было предложено сосредоточить усилия на профилактике лесных пожаров в наиболее ценных сосновых борах. Лесничим было предложено составить проекты сети противопожарных просек своего лесничества, причем в целях экономии было предложено устройство просек совмещать с отпуском леса [4, л. 44]. Просеки закладывались по 15 саженей шириной со срезкой пней до уровня земли и оскребкой травы.

Также речь шла об опаливании границ лесных дач, на лето на летний период временных пожарных объездчиков, формирование специальных мобильных пожарных отрядов (по 10 человек), восстановлении пожарных вышек. В 1920 г. в лесничествах Алтайской губернии насчитывалось около 100 пожарных вышек, большинство из которых нуждалось в ремонте [5, л. 3 об.]. Старые, пришедшие в негодность вышки продавались с торгов местному населению для использования в хозяйстве или на топливо. Имевшееся количество вышек было недостаточным, поэтому на 1921 г. была запланирована постройка еще 200 новых пожарных вышек [6, л. 100].

Лесные дачи были захлаплены порубочными остатками, накопившимися в период самовольных порубок и усиленных лесозаготовок, что создавало благоприятные условия для распространения огня и сильно затрудняло борьбу с пожарами. С 1920 г. в соответствии с общероссийскими правилами

очистка мест рубок от порубочных остатков была возложена на всех покупателей леса вне зависимости от вида рубки и вида отпуска. Для обеспечения уборки с покупателей при выписке билета взималось 10 % корневой стоимости отпускаемой древесины, поступавших на депозиты лесничеств. От внесения залогов освобождались лица, получавшие лес бесплатно. После выполнения покупателем очистки залоговая сумма ему возвращалась, а в противном случае поступала в пользу лесничества и проводилась как доход от продажи леса. Лесничие были обязаны ежемесячно докладывать о площади и стоимости очистных работ, количестве привлеченных рабочих и объемах планируемых очисток. Первоначально была предпринята попытка возродить так называемый лесокультурный сбор в том же размере, однако в практику это начинание не вошло. Финансирование противопожарных мероприятий было крайне скудным, поэтому значительная часть ответственности за противопожарное состояние была возложена на лесозаготовителей.

Однако на практике, учитывая колоссальные объемы лесозаготовок, даже элементарные правила не соблюдались. Е. И. Гололобов, ссылаясь на свидетельства архивных документов, характеризует способы, которыми велись лесозаготовки, как хищнические [7, с. 78]. В результате ревизии, проведенной в 1923 г. Сибирской рабоче-крестьянской инспекцией, выяснилось, что повсеместной практикой являлись «совершенное отсутствие очистки мест рубки леса и систематический невзнос очистных залогов» [8, л. 30 об.]. Крупные лесозаготовители на протяжении нескольких лет ни разу не внесли очистных залогов и не производили очисток лесных делянок от порубочных остатков, оставляя за собой захламленные делянки, оправдываясь отсутствием рабочих рук. В таких условиях большой положительный эффект имела практика бесплатных и льготных отпусков мертвого леса местному населению, позволявшая удовлетворить потребность в топливе и очистить лесные дачи от мусора [9]. Там, где потребность в валежнике была невелика и его отпуск не мог исправить ситуацию, местные исполкомы были обязаны назначать в порядке трудовой повинности лиц, не занятых общественным трудом, на работы по очистке лесных дач от сушняка, бурелома и порубочных остатков.

В условиях, когда средств и сил не хватало на проведение противопожарных мероприятий, больше внимания стало уделяться агитационной и просветительской работе с населением. Статьи, брошюры, листовки и т. п. содержали краткие сведения о ценности лесов для народного хозяйства, особенностях их произрастания, способах борьбы с лесными пожарами. Понимая, что пресса является мощным инструментом воздействия на созна-

ние местного населения, Центральный лесной отдел (ЦЛЮ) предписывал всем губернским лесным органам проводить в местных печатных изданиях кампании о необходимости «осмотрительного и осторожного отношения к лесу в период пожарной опасности» [5, л. 84]. По инициативе ЦЛЮ в 1920 г. была издана брошюра «Инструкции о борьбе с лесными пожарами», которую затем централизованно разослали в губернские земельные отделы. Апеллируя к сознательности крестьян, лесные специалисты посредством просветительских материалов призывали население относиться к общенародному достоянию трепетно и по-хозяйски. Практические навыки борьбы с лесными пожарами население должно было получать на специальных курсах, проводимых управлениями всеобщего военного обучения.

Судить об эффективности предпринимаемых профилактических мер можно только по объективным показателям количества произошедших и зарегистрированных пожаров, а также площади поврежденного леса. К 1920 г. общая площадь редины и прогалин только в ценных сосновых лесах Алтайской губернии достигала 500 тыс. десятин, а в некоторых лесничествах площадь нелесопокрытых участков составляла 67 % от общей лесной площади [5, л. 3]. Статистика лесных пожаров, произошедших в Алтайской губернии в 1920 г., разрозненна и несистематична. Несмотря на то что еще весной 1920 г. временным лесным комиссиям было предписано ежемесячно представлять в губернский земельный отдел сведения о времени, причине, месте пожара, объеме поврежденной древесины, наладить статистический учет удалось к сезону 1921 г. Временные лесные комиссии, просуществовав несколько месяцев, были упразднены, а их функции перешли к волостным земельным отделам, в работе которых вышестоящими инстанциями периодически отмечались «малодеятельность в отношении ознакомления населения по вопросам лесного хозяйства, невероятная запущенность делопроизводства, утрата или небрежное хранение посылаемых циркуляров» [3, л. 165].

В итоге обязанность по составлению отчетности по лесным пожарам была возложена на лесничих, которые должны были дважды в месяц в период с 15 мая по 15 ноября телеграфировать в губернские лесные отделы о случившихся в подведомственных им лесах пожарах. Губернские лесные отделы формировали отчетность по всей губернии и направляли ее в центр. О пожарах, приобретавших стихийный характер, лесничие были обязаны сообщать незамедлительно, причем не используя принятых в обычных телеграммах сокращений.

Организация ликвидации очагов пожаров регламентировалась Правилами о привлечении граждан

к временному исполнению общественных обязанностей по тушению лесных пожаров в дачах Алтайской губернии, которые предусматривали в порядке трудовой мобилизации обязательное личное участие всего трудоспособного населения обоюбого пола в возрасте от 16 до 50 лет в тушении огня [4, л. 1]. На граждан возлагалась обязанность ликвидировать обнаруженное ими в лесу возгорание, а также немедленно уведомить об этом лесную или местную советскую администрацию. К борьбе с огнем в первую очередь привлекались граждане ближайших к лесным дачам селений, т. е. те, кто пользовался лесом из этих лесных дач. Рабочие должны были являться на пожар со своими инструментами, чтобы не теряя времени приступать к работе, а не ждать, когда их снабдят необходимым инвентарем. Для обеспечения нормальной работы сельским властям предписывалось доставлять к пожару питьевую воду в необходимых количествах. Тушением руководил представитель лесотехнического персонала или лесной стражи под общим наблюдением представителя местной власти.

Участие в тушении лесных пожаров оплачивалось из «общенародных средств» по ставке, утвержденной расценочной комиссией губернского земельного отдела. Для мужчин устанавливалась дневная плата в размере 29 руб. 20 коп., женщин и подростков – 25 руб. 80 коп. Услуги возчиков по доставке рабочих к месту тушения оплачивались отдельно (60 руб. в день). За каждую вторую лошадь предусматривалась доплата в размере 32 руб. 40 коп. в день [5, л. 9].

Говоря о размере поденной платы на тушении лесного пожара, нужно представлять масштаб цен в 1920 г. В этот период установленная государством твердая цена на хлеб составляла 31 руб. Однако реальные рыночные цены во много раз превышали «твердые» [10, с. 91]. Исходя из этого, а также принимая во внимание общий денежно-финансовый кризис, проявлявшийся в катастрофическом обесценивании денег, можно сделать вывод о том, что существовавшие таксы не были высокими настолько, чтобы сделать работу на тушении пожаров привлекательной для населения.

В последующие годы поденная плата за участие в тушении лесных пожаров рассчитывалась, исходя из тарифных ставок чернорабочих. Размеры ставок ежегодно устанавливались губернскими экономическими совещаниями и утверждались президиумом губисполкомов перед началом пожароопасного сезона. Работы по ликвидации пожаров оплачивались из специальных средств, ассигнуемых центром.

Идея «обобществления» лесоохраны в полном объеме реализована не была, поскольку носила скорее теоретический, нежели практический характер. По-прежнему уязвимым местом системы

борьбы с лесными пожарами была необходимость привлекать к их тушению местное население, которое, охотно приняв новую норму о национализации земель и лесов, «забывало о своих обязанностях по отношению к лесу как общенародному достоянию» [11, с. 184]. Лесные пожары чаще всего происходили в весенние и летние месяцы и совпадали с основными сельскохозяйственными работами, которым крестьяне отдавали приоритет, игнорируя необходимость тушения огня или приступая к нему с опозданием. Лесничие отмечали, что никакого «поголовного» участия населения в лесоохранной деятельности не наблюдалось [12, л. 82]. Вместе с тем в тех же отчетах встречаются данные о том, что в свободное от сельскохозяйственных работ время наблюдались поджоги леса крестьянами «в целях изыскания заработка» на тушении пожаров [13, л. 23 об.].

Заведующий лесным подотделом В. А. Андреев летом 1920 г. докладывал в секретариат Алтайского губернского земельного отдела, что «определенных случаев отказа волостей от исполнения важных постановлений в данное время не наблюдается, но приходится констатировать недостаточно энергичное проведение волостными органами многих постановлений, особенно распоряжений о тушении лесных пожаров» [14, л. 131]. Подобная ситуация наблюдалась в масштабах всей страны, поэтому 27 июля 1920 г. Совет труда и обороны, учитывая «недостаточность принятых предупредительных мер и проявляемой энергии по борьбе с возникшими пожарами», принял постановление, согласно которому обязанность по предупреждению и ликвидации лесных пожаров возлагалась на лесохозяйственные (лесничества) и лесозаготовительные (лескомы) органы [15].

Для совершенствования лесоохранного механизма губернская администрация «прикрепила» волости, а затем близлежащие (в радиусе 15–21 версты) села и деревни к определенным лесным дачам [5, л. 87–88]. Постановление Совета труда и обороны предусматривало ответственность жителей этих селений в виде штрафов и арестов за неисполнение обязанностей по охране лесов от пожаров.

Жители сел и деревень, «приписанные» к определенной лесной даче, были обязаны по первому требованию лесничего выставлять необходимое количество работников со своим инвентарем для борьбы с лесными пожарами. Это, однако, не означает, что крестьяне вызывались на все лесные пожары. Право вызывать местное население лесничие получали лишь тогда, когда сил лесной и пожарной стражи не хватало, чтобы справиться с огнем. Военские части могли привлекаться к борьбе с огнем в случае стихийного развития лесных пожаров и недостатка людей.

Это же постановление установило ответственность граждан за возникновение пожаров из-за неосторожного разведения огня в лесу или вблизи него, а также за отказ принимать участие в тушении пожара. В том и другом случае виновные подвергались суду революционного военного трибунала. 30 июня 1920 г. председатель Алтгубревкома В. В. Аристов подписал приказ № 120, который содержал требования ко всему взрослому населению выходить на тушение лесных пожаров со своим инструментом, а волостным и сельским исполкомам «бросить все остальные дела и принимать меры к тушению пожара, не останавливаясь ни перед чем» [2, л. 182]. В противном случае всем должностным лицам, не принявшим самых энергичных мер по тушению, грозило судебное преследование с обвинением в саботаже. Тем же, кто отказывался принимать участие в тушении лесных пожаров, грозило обвинение в контрреволюции и отправка в штрафные команды.

После принятия Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. уклонявшихся от участия в работах по тушению огня, а также должностных лиц, не предпринявших необходимых организационных мер, ждала уголовная ответственность, предусмотренная статьями 107 (бездействие власти), 108 (халатное отношение к службе) и 126 (трудовое дезертирство), в виде лишения свободы, или принудительных работ на срок до одного года, или увольнения от должности (для должностных лиц), или принудительных работ на срок до одной недели (для мобилизуемых граждан). На органы милиции возлагалась обязанность содействовать сельским и волостным властям в выделении нарядов, а также наблюдать за соблюдением общественного порядка во время тушения.

Умышленные поджоги рассматривались как тяжкое контрреволюционное преступление, поскольку в период революций и Гражданской войны они использовались как средство ведения диверсионно-партизанской войны, способ проявления протеста, сведения счетов, выражения недовольства и т. д. В уже упоминавшемся приказе Алтгубревкома умышленные поджоги леса были названы подрывом народного хозяйства со стороны скрывающихся и «рассыпавшихся» по деревням белогвардейцев, которые стремятся «укусить русский трудящийся народ и его советскую власть в больное место» [16]. Они же были обвинены в том, что отговаривают крестьян от тушения пожаров. Приказ

обязывал всех «застигнутых на месте преступления поджигателей леса убивать на месте», а подстрекателей и препятствующих тушению «арестовывать и под сильным конвоем отправлять в губчека». Санкция за умышленный поджог леса содержалась и в первом Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. (ст. 197), но в значительно более гуманной форме: лишение свободы на срок до пяти лет со строгой изоляцией.

Таким образом, после окончательного установления советской власти на территории Западной Сибири в целом и в отдельных ее частях, в том числе в Алтайской губернии, начинается процесс складывания новой административно-хозяйственной системы. В основу лесной политики советского государства был положен принцип общенародной собственности на лес, закрепленный законодательно. Старая система лесопользования была объявлена буржуазной и антинародной, роль лесной администрации была сведена к минимуму, что получило отражение в новом наименовании – лесотехнические специалисты. Основные обязанности по организации лесопользования были возложены на местные органы власти, а по охране лесов – на местное население. Однако население, привыкшее к годам бесконтрольного лесопользования, воспринимало большинство нововведений, особенно носивших ограничительный характер, без энтузиазма.

Основными проблемами, проявившимися на стадии формирования системы охраны лесов от пожаров в первые годы советской власти в Алтайской губернии, стали дефицит квалифицированных кадров лесных специалистов и лесной стражи, бездеятельность представителей сельских и волостных органов советской власти, разрушенная материальная база лесничеств, плачевное состояние многих лесных дач, уничтоженных самовольными рубками и заваленных остатками лесозаготовок, недостаточное финансирование противопожарных мероприятий, отсутствие системного учета количества лесных пожаров, объема и характера повреждений. Все названные выше неблагоприятные обстоятельства усугублялись системным кризисом лесного хозяйства, выразившимся в том, что основные принципы рационального лесопользования были «принесены в жертву» необходимости удовлетворять потребность страны в древесине, а задача взять от природы все, что она могла дать, стала основой взаимоотношений человека с окружающей средой.

Список литературы

1. ГААК. Ф. Р-9, оп. 1, д. 199.
2. ГААК. Ф. Р-24, оп. 1, д. 977.
3. ГААК. Ф. Р-24, оп. 1, д. 912.
4. ГААК. Ф. Р-24, оп. 1, д. 1026.

5. ГААК. Ф. Р-24, оп. 1, д. 1024.
6. ГААК. Ф. Р-24, оп. 1, д. 914.
7. Гололобов Е. И. Природопользование и охрана окружающей среды на севере Западной Сибири в 1920-е гг. // Вестн. Томского гос. ун-та. 2007. № 299.
8. ГААК. Ф. Р-10, оп. 1, д. 175.
9. Тяпкин М. О. Льготные отпуска древесины населению как элемент системы охраны лесов юга Западной Сибири в первой четверти XX в. // Вестн. Томского гос. ун-та. 2016. № 403. С. 165–170.
10. Тишкина А. В. Товары и цены в советской России в 1917–1921 гг. (на материалах Среднего Поволжья) // Известия ПГПУ. 2008. № 6 (10). С. 88–93.
11. Старшова И. Г. Лесохозяйственная политика на Псковщине в 1920-е гг. // Псков. 2007. № 27. С. 184.
12. ГААК. Ф. Р-24, оп. 1, д. 934.
13. ГААК. Ф. Р-100, оп. 1, д. 49.
14. ГААК. Ф. Р-9, оп. 1, д. 199.
15. Постановление Совета труда и обороны РСФСР «О борьбе с лесными пожарами» от 27 июля 1920 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. М., 1943. С. 483–484.
16. Бюллетень Алтайского губернского продовольственного комитета. 1920. № 4.

Тяпкин Михаил Олегович, кандидат исторических наук, доцент, начальник кафедры, Барнаульский юридический институт МВД России (ул. Чкалова, 49, Барнаул, Россия, 656038). E-mail: tyapkin@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 20.12.2016.

DOI: 10.23951/1609-624X-2017-3-137-143

PROTECTION OF FORESTS FROM FIRES IN THE ALTAI PROVINCE IN THE FIRST YEARS AFTER THE FINAL ESTABLISHMENT OF THE SOVIET AUTHORITIES (1919–1921)

M. O. Tyapkin

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Barnaul, Russian Federation

The aim of the work is to examine the process of formation of new system of fire-prevention actions which began to emerge in the Altai province after final establishment of the Soviet government. The article is prepared on the basis of a wide range of archival materials, materials, many of which are introduced for scientific use for the first time. As a result of the work the author has come to the following conclusions. The fight against forest fires included a range of prevention measures, prevention and liquidation of fire in the forest and punishment for persons guilty of arsons. The new government was interested in the preservation of forests from fires, so forestry specialists and local authorities were tasked to create effective system of struggle against forest fires in short terms. Questions of forest preservation from the fires were regulated by local regulations which were based on provisions of the decree “About the woods” 1918. The forest was nationalized, every citizen had the right to use forest products, but on the condition of personal participation in the protection of forests. The implementation of fire prevention measures was entrusted to the local population. However, this practice has not justified itself, so it was decided to return to the standard scheme, in which the main role in the protection of forests from fires played professional forest guards.

Key words: *forest preservation, forestry, Altai province, forest fire, prevention of forest fire, forest arson.*

References

1. GAAK [State Archive of the Altai Territory]. Fund P-9, list 1, file 199 (in Russian).
2. GAAK [State Archive of the Altai Territory]. Fund P-24, list 1, file 977 (in Russian).
3. GAAK [State Archive of the Altai Territory]. Fund P-24, list 1, file 912 (in Russian).
4. GAAK [State Archive of the Altai Territory]. Fund P-24, list 1, file 1026 (in Russian).
5. GAAK [State Archive of the Altai Territory]. Fund P-24, list 1, file 1024 (in Russian).
6. GAAK [State Archive of the Altai Territory]. Fund P-24, list 1, file 914 (in Russian).
7. Gololobov E. I. Prirodopol'zovaniye i okhrana okruzhayushchey sredy na severe Zapadnoy Sibiri v 1920-e gg. [Environmental management and environmental protection in the north of Western Siberia in the 1920th]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – TSU Bulletin*, 2007, no. 299 (in Russian).
8. GAAK [State Archive of the Altai Territory]. Fund P-10, list 1, file 175 (in Russian).

9. Тяпкин М. О. L'gotnye otpuski drevesiny naseleniyu kak element sistemy okhrany lesov yuga Zapadnoy Sibiri v pervoy chetverti XX v. [Preferential releases of wood to the population as part of the system of forest protection in the South of Western Siberia in the first quarter of the twentieth century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – TSU Bulletin*, 2016, no. 403, pp. 165–170 (in Russian).
10. Tishkina A. V. Tovary i tseny v Sovetskoy Rossii v 1917–1921 gg. (na materialakh Srednego Povolzh'ya) [Goods and prices in the Soviet Russia in 1917–1921 (on the materials of Central Volga area)]. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – PSPU News*, 2008, no. 6 (10), pp. 88–93 (in Russian).
11. Starshova I. G. *Lesokhozyaystvennaya politika na Pskovshchine v 1920-e gg.* [Forest policy in Pskovshchina in the 1920th]. Pskov, 2007, no. 27, p. 184 (in Russian).
12. GAAK [State Archive of the Altai Territory]. Fund P-24, list 1, file 934 (in Russian).
13. GAAK [State Archive of the Altai Territory]. Fund P-100, list 1, file 49 (in Russian).
14. GAAK [State Archive of the Altai Territory]. Fund P-9, list 1, file 199 (in Russian).
15. Postanovleniye Soveta truda i oborony RSFSR “O bor'be s lesnymi pozharemi” ot 27 iyulya 1920 g. [The resolution of the Council of labour and defense of the Russian Soviet Federative Socialist Republic “About fight against wildfires” of July 27, 1920]. *Sobraniye zakonov i rasporyazheniy pravitel'stva za 1920 g.* [The collection of legalizations and orders of the government for 1920]. Moscow, 1943. Pp. 483–484 (in Russian).
16. *Byulleten' Altayskogo gubernskogo prodovol'stvennogo komiteta* [Bulletin of the Altai provincial food committee], 1920, no. 4 (in Russian).

Тяпкин М. О., Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (ul. Chkalova, 49, Barnaul, Russia, 636038). E-mail: tyapkin@rambler.ru